

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего
образования

«Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет)»

Институт социально-гуманитарных наук
Кафедра русского языка и литературы

ДОПУСТИТЬ К ЗАЩИТЕ

Заведующий кафедрой, д. ф. н., проф.

_____ Е. В. Пономарева

« _____ » _____ 2018 г.

**ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНАЯ ЛЕКСИКА В
САТИРИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ М. ЗОЩЕНКО, И. ИЛЬФА И
Е. ПЕТРОВА**

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА
ЮУрГУ– 45.03.01.2018.288.ПЗ ВКР

Руководитель, к. ф. н., доцент

_____ Л. Н. Корнилова

« _____ » _____ 2018 г.

Автор

студент группы СГ-409

_____ С. А. Пучкова

« _____ » _____ 2018 г.

Нормоконтролер, преподаватель

_____ Л. В. Выборнова

« _____ » _____ 2018 г.

Челябинск 2018

РЕФЕРАТ

Пучкова С. А. Эмоционально-оценочная лексика в сатирической прозе М. Зощенко, И. Ильфа и Е. Петрова. – Челябинск : ЮУрГУ, СГ-409, 2018. – 61 с., 1 ил., 1 табл., библиогр. список – 44 наим., презентация.

Ключевые слова: эмоционально-оценочная лексика; сатирическая проза; слова с суффиксами субъективной оценки; слова с коннотативным элементом в лексическом значении; переносное значение.

Объект исследования — эмоционально-оценочные лексемы в сатирических рассказах.

Предмет исследования — семантические и грамматические характеристики эмоционально-оценочной лексики как элемента сатирического произведения.

Цель работы — изучение особенностей использования эмоционально-оценочной лексики в сатирической прозе

Задачи работы: определить смысловое наполнение понятий эмоциональности и оценочности; проанализировать существующие классификации эмоционально-оценочной лексики; определить семантические и словообразовательные особенности групп эмоционально-оценочных языковых единиц в текстовом поле авторов; описать особенности функционирования эмоционально-оценочной лексики в рассказах авторов; сопоставить результаты анализа рассказов М. Зощенко и рассказов И. Ильфа и Е. Петрова.

Новизна работы заключается в изучении особенностей эмоционально-оценочной лексики в контексте исследования особенностей языка сатиры.

Результаты исследования — работа ориентирована на выявление эмоционально-оценочных лексем в текстах М. Зощенко, И. Ильфа и Е. Петрова и сопоставление их особенностей в рассказах данных авторов.

SUMMARY

Puchkova S. A. Emotive and appraisive dictionary on satirical prose by M. Zoschenko, I. Ilyf and E. Petrov – Chelyabinsk : SUSU, SH-409, 2018. – 61 p., 1 il., 1 table, bibliography – 44 name, presentation.

Keywords: emotive and appraisive dictionary; satirical prose; words with suffixes of subjective value; words with connotive element on lexical meaning; figurative meaning.

Object of research — emotive and appraisive lexical item on satirical short stories.

Subject of research — semantic and grammar characteristics of emotive and appraisive dictionary as element of satirical writing.

Target of research — study of special aspects usage emotive and appraisive dictionary on satirical prose.

Problem of research: define semantic filling of terms emotive and appraisive; analyse exist classifications of emotive and appraisive dictionary; define semantic and word-formative special aspects of groups emotive and appraisive words in a text field of authors; bewrite special aspects of functioning emotive and appraisive dictionary in short stories of authors; balance results of assay short stories by M. Zoschenko and short stories by I. Ilyf and E. Petrov.

Novelty of research consists in studying special aspects of emotive and appraisive dictionary in the context of a research of features of language of satire.

Results of research — work is focused on identification emotive and appraisive lexical item in text by M. Zoschenko, I. Ilyf and E. Petrov and comparison their features in short stories by these authors.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	6
1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ.....	9
1.1. Способы выражения эмоциональности в языке	9
1.2. Функционально-семантические особенности эмоционально-оценочной лексики	15
1.2.1. «Эмоционально-оценочная лексика» в русском языке	15
1.2.2. Соотношение понятий «эмоциональность» и «оценочность»	20
1.2.3. Функции оценочной лексики в художественной речи	25
2. ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СЛОВ, ВЫРАЖАЮЩИХ ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНУЮ ХАРАКТЕРИСТИКУ	29
2.1. Особенности функционирования эмоционально-оценочных слов в рассказах М. Зощенко.....	29
2.2. Особенности функционирования эмоционально-оценочных слов в рассказах И. Ильфа и Е. Петрова.....	38
2.3. Сравнительный анализ эмоционально-оценочных лексем в рассказах М. Зощенко, И. Ильфа и Е. Петрова	51
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	58
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	60

ВВЕДЕНИЕ

Категория эмоциональной оценочности — одна из универсальных текстовых категорий. Эмоциональность в творчестве М. Зощенко, И. Ильфа и Е. Петрова наряду с другими особенностями языка характеризует своеобразие стилей писателей. Для создания повышенного эмоционального эффекта, оценки используется эмоционально-оценочная лексика.

Изучение эмоционально-оценочной лексики в современной лингвистике является актуальным и вызывает постоянный интерес исследователей. Несмотря на то что лингвистика позже других наук обратилась к изучению сферы эмоций, за последние десятилетия в данной области были получены значительные результаты. В отечественном языкознании обострился интерес к изучению категории оценки, а также к анализу проблемы ее речевой реализации (В. Р. Гак, Л. М. Васильев, Н. Д. Арутюнова). **Актуальность работы** определяется также сложностью, многоаспектностью функционирования анализируемой лексики, неоднозначностью понимания термина «эмоционально-оценочная лексика», отсутствием полного, системного описания особенностей языка произведений М. Зощенко, И. Ильфа и Е. Петрова.

Новизна работы состоит в том, что грамматические и функциональные особенности эмоционально-оценочной лексики в рассказах указанных авторов изучаются в контексте исследования особенностей языка сатиры.

Цель исследования — изучение особенностей использования эмоционально-оценочной лексики в сатирической прозе.

Для осуществления данной цели нами были поставлены следующие **задачи**:

- 1) определить смысловое наполнение понятий эмоциональности и оценочности;
- 2) проанализировать существующие классификации эмоционально-оценочной лексики;

- 3) определить характерные семантические и словообразовательные особенности групп эмоционально-оценочных языковых единиц в текстовом поле авторов;
- 4) описать особенности функционирования эмоционально-оценочной лексики в рассказах М. Зощенко, И. Ильфа и Е. Петрова;
- 5) сопоставить результаты анализа рассказов М. Зощенко и рассказов И. Ильфа и Е. Петрова.

Объект исследования — эмоционально-оценочные лексемы в сатирических рассказах.

Предмет исследования — семантические и грамматические характеристики эмоционально-оценочной лексики как элемента сатирического произведения.

В соответствии с намеченной целью и задачами нами были определены следующие **методы**:

- 1) метод анализа;
- 2) метод синтеза;
- 3) метод сравнения;
- 4) метод классификации.

Практическая значимость выпускной квалификационной работы заключается в составлении грамматической и семантической классификации эмоционально-оценочных слов в рассказах М. Зощенко, И. Ильфа и Е. Петрова.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что оно позволяет расширить представление об особенностях функционирования эмоционально-оценочных лексических единиц, их грамматической специфике. Эмоционально-оценочная лексика рассматривается с позиции индивидуально-авторского толкования в текстовом пространстве рассказа.

Результаты работы апробированы на научно-практической конференции «Язык. Культура. Коммуникации» (2018 год). Опубликована статья в научном электронном журнале «Язык. Культура. Коммуникации».

Выпускная квалификационная работа состоит из введения, двух глав, заключения, библиографического списка.

В первой главе нами был проанализирован и систематизирован теоретический материал по изучаемому вопросу, основу которого составили исследования Н. А. Лукьяновой, Л. Г. Бабенко, В. Т. Гака, Н. Д. Арутюновой, И. А. Стернина, В. И. Шаховского, И. Б. Голуб и др.

В практической части дан анализ эмоционально-оценочных языковых единиц в текстовом поле авторов, выявлены особенности функционирования эмоционально-оценочной лексики в рассказах М. Зощенко, И. Ильфа и Е. Петрова. Проведена грамматическая и семантическая классификация изучаемых лексических единиц.

1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1. Способы выражения эмоциональности в языке

Эмоциональные процессы изучают различные науки: психология, философия, лингвистика. Лингвистика позже других наук обратилась к изучению сферы эмоционального. Язык является одним из средств выражения эмоций. Человек познает мир посредством мышления и пользуется языком для выражения своих впечатлений, эмоций.

Известно, что категория эмоциональности представлена во всех языках на различных уровнях: фонетическом, лексическом, словообразовательном, морфологическом, синтаксическом, стилистическом [43]. Соответственно, к вербальным способам выражения эмоций относятся: лексические способы, морфологические, стилистические (к ним относятся изобразительно-выразительные средства), синтаксические (различные типы и виды предложений) и фонетические.

Рассмотрим морфологические способы выражения эмоций. Л. Г. Бабенко отмечает шесть частей речи, при помощи которых человек выражает свои эмоции и впечатления:

1. Эмотивные глаголы. По мнению Л. Г. Бабенко, данная часть речи наиболее приспособлена для выражения эмоций. Данная часть речи обладает огромными возможностями отображения различных чувств. «Эмоции передаются глаголами как состояние (*грустит*) и как становление состояния (*влюбиться*), как отношение (*любит*) и как воздействие (*влюбить*), а также как внешнее проявление эмоций (*целовать, обнимать*)» [6, с. 65].

2. Эмотивные существительные. Субстантивная лексика, выражающая эмоции, относится к лексико-грамматическому разряду отвлеченных существительных. Нужно отметить, что большую часть этой лексики составляют «мотивированные слова, различные номинализации, а также отглагольные и отадективные слова, типа *бешенство, ласковость, нежность*» [6, с. 65—66]. Меньшая часть — «немотивированные слова типа

беда, страх, печаль, мука» [6, с. 65—66]. Отадъективные эмотивные существительные являются в основном отвлеченными номинациями качеств: *страстность, азартность, вспыльчивость*. Эмотивные существительные многофункциональны: «во-первых, они дают отвлеченное обозначение чувства, во-вторых, обозначают эмотивное качество в отвлечении от носителя, в-третьих, называют лицо, испытывающее эмоции или являющееся объектом, источником эмоции другого лица» [6, с. 65—66].

3. Эмотивные прилагательные, которые «благодаря их явной ситуативности семантически и функционально притягиваются к глаголу, а формально грамматически тяготеют к существительным» [6, с. 67]. «Эмотивное прилагательное располагает комбинацией значений, передающих эмоцию как бытийное состояние (идентификатор “наполненный чувством”), каузацию состояния (идентификатор “вызывающий чувство”), выражение эмоционального состояния (идентификатор “выражающий чувство”), эмоциональное отношение (идентификатор “относящийся с чувством”)» [6, с. 67—68].

4. Эмотивные наречия, выражая эмоции, ориентируются на «сопутствующие состояние, эмотивно характеризующие, разнообразные действия (грустно смотреть, грустно сказать) и признаки (грустно-томные глаза)» [6, с. 68]. Изображение эмоций наречиями имеет свою специфику. Необходимо отметить, что эта специфика проявляется в особенности их сочетаемости: «грамматическая природа эмотивных наречий не позволяет им соотносить эмоции непосредственно с их носителем, поэтому соотношение с субъектом эмоций осуществляется в тексте опосредовано, через его действия или через адъективно-выраженные признаки» [6, с. 68—69].

5. Эмотивные междометия. Л. Г. Бабенко определяет данный вид междометий в силу их сложной природы как «особый синкретический класс слов, тяготеющий и к эмотивам-номинативам, и к эмотивам-коннотативам» [6, с. 70].

Самыми распространенными стилистическими приемами выражения эмоций В. И. Шаховский называет гиперболы, метафоры, эпитеты [43]. Рассмотрим каждый прием.

Гипербола способна наравне с коммуникативным посланием донести до собеседника эмоциональный заряд. Использование гипербол является тем стихийным, чаще бессознательным, проявлением народного сознания. «Чаще всего мы преувеличиваем бессознательно и очень редко замечаем, насколько эти преувеличения бывают абсурдны», — пишет Ш. Балли [7]. Это легко заметить на конкретном примере: *Ради Вас я проглочу и кирпич, если это необходимо*. Преувеличения в разговорной речи постоянно стремятся к абсолюту, что часто делает их абсурдными с точки зрения разумного отношения к реальному миру. Однако, такие преувеличения отлично передают чувства говорящего (в рассмотренном примере — готовность на крайние меры).

Метафора часто является средством выражения эмоций, субъективной оценки. А. В. Боровкова считает, что «в системе языка метафора представлена различными по структуре образными единицами: языковыми метафорами, устойчивыми образными сравнениями различной структуры, образными словами с внутренней метафорической формой, идиомами, перифразами» [9]. В основе метафорических проекций, выражающих эмоции говорящего, оказываются различные аспекты исходного образа: вкус, цвет, размер, форма и т. д. Например: *нос картошкой, уши-вареники*.

Эпитеты, влияющие на выразительность слова, часто используются в литературе благодаря своей информативности. Без эпитетов нельзя построить художественного образа. Наличие эмоционально окрашенного эпитета усиливает экспрессивность фразы или предложения. Например: *Где твоя чертова машина?* Эпитет «чертова» говорит о том, что спрашивающий находится под воздействием эмоции недовольства или гнева.

Эпитеты очень точно выражают позицию человека, его отношение к предмету разговора. В следующем примере и без того эмоциональное

восклицание «*Ты лгун!*» усиленно эпитетом «невероятный»: «*Ты невероятный лгун!*».

Рассмотрим синтаксические способы выражения эмоций. Эмоции могут выражать различные типы предложений. Наиболее часто для выражения эмоциональных оценок используются восклицательные предложения. Восклицательными называются предложения, отличающиеся эмоциональной окрашенностью и высокой степенью экспрессивности. В качестве восклицательных могут употребляться предложения всех коммуникативных типов, таким образом, эмоции могут выражаться при помощи повествовательных, вопросительных и побудительных предложений.

И. А. Атлас отмечает, что «в вопросительных предложениях эмоционально-оценочной семантики происходит функциональная транспозиция: коммуникативное задание вопроса о неизвестном трансформируется в запрос мнения о высказанной оценке, в местоименных вопросах мнение автора носит заявительный характер, а обращение к собеседнику направлено на уточнение какого-либо аспекта высказанного мнения» [5]. *И что за тон в разговоре с матерью? А разве не благородно и не смело брать вину других на себя?* (Г. Тушкан «Друзья и враги Анатолия Русакова»).

И. А. Атлас также говорит о назначении побудительных предложений. Оно заключается в побуждении к действию того, к кому обращена речь. В предложениях такого типа выражаются различные виды побуждения: приказ, требование, просьба, совет, мольба и т. д. По мнению И. А. Атлас, эмоционально-оценочное суждение данного типа предложений может распространяться на адресата, либо на предмет речи. — *Все, перестань нести полную чушь, лучше посмотри,* — заявила Катерина, предлагая взглянуть на разложенный пасьянс (Ю. А. Гайдобуро «Семь звезд и башня молний»).

Наиболее часто встречающимся синтаксическим приемом выражения сильных эмоций является умолчание. Умолчание используется для обозначения незаконченности высказывания, вызванной волнением

говорящего, обрывом в логическом развитии мысли, внешней помехой, для обозначения заминок или перерывов в речи. — *Помню, отлично помню... Мебель была превосходная, гамбсовская... Диван, дюжина стульев и круглый столик о шести ножках. А почему вы вспомнили?* (И. Ильф, Е. Петров «Двенадцать стульев»).

Выражение эмоций возможно также через обособленные, вводные конструкции и сложные предложения [11].

Обособленные конструкции обеспечивают смысловое и интонационное выделение второстепенных членов предложения с целью эмоциональной, стилистической выразительности: *И что вы, с **вашим умом**, нашли в нем.* Несогласованное обособленное определение — с вашим умом — может иметь следующую эмоциональную окрашенность: восхищение (вы так умны), пренебрежение (невысокая оценка умственного потенциала), разочарование (вы умны, но поступили неправильно).

Назначение вводных слов и вставных конструкций — добавлять замечания, попутные указания, уточнения. Вставные вопросительные и восклицательные конструкции выражают эмоции автора или его отношение к высказываемым словам, цитатам: *Отверстие в двери он плотно заткнул своим армяком и чуть свет было уже на дворе, как ни в чем не бывало, сохраняя даже (**невинная хитрость!**) прежнюю усталость на лице* [11].

Сложные предложения также могут выступать средством передачи эмоций. Выражать эмоции могут сложные предложения определенных видов:

1) сложноподчиненные предложения с придаточными изъяснительными: *Я очень **рада** (чему?), что вы нас навестили;*

2) сложноподчиненные предложения с придаточными обстоятельственными со значением условия: *Я буду **очень огорчена**, (когда, при каком условии?), если вы не навестите нас;*

3) бессоюзные сложные предложения с обстоятельственным значением: *Вы не навестите нас — я буду **огорчена*** [11].

С. В. Маслечкина отмечает, что примером использования фонетических средств для выражения эмоций и их воздействия может послужить огромный арсенал приемов, которые основаны на специально подобранной звуковой и ритмической организации. «К таким средствам можно отнести аллитерацию, рифму, звукоподражание и ритм. Эти средства используются в основном в поэзии, но они встречаются и в обычной речи и находят широкое применение в просторечии и жаргонах как эмоционально-оценочные средства. Например: *шурь-мурь, трали-вали*» [33].

Речевые интонации также являются фонетическим средством выражения эмоций. При помощи интонации человек может выразить различные виды эмоций: удивление, восхищение, радость, грусть, страх, гнев и т. д. Интонация — сложная совокупность мелодики, силы голоса, темпа речи, ее тембровой окраски и т. п. — неотъемлемый компонент звучащей речи и мощный инструмент воздействия на слушателя [1, с. 16]. С помощью интонации люди передают друг другу больше информации, чем с помощью слов. Часто в беседе то, как человек сказал что-либо, является более важным, чем то, что он сказал. К. Б. Бархин отмечает, что в человеческом голосе больше интонаций, чем имеется знаков препинания [8, с. 227]. Интонация — своего рода мост между говорящим и слушающим, обеспечивающий надежное и быстрое взаимопонимание коммуникантов [8, с. 227].

Д. Г. Коврижкина отмечает, что когда люди разговаривают (выражают эмоции), то произносят слова не изолированно, а объединяют их в группы по смыслу и интонационно. Такие объединения слов называют синтагмами [27]. Синтагма может состоять из одного слова, быть частью предложения или совпадать с целым предложением. Например: *Молодец!* / *Поздравляю!* / *Рад за тебя!* (каждое из этих предложений — одна синтагма); *Сколько лет,* / *сколько зим!* (одно предложение, две синтагмы); *Я не верю своим ушам!* (одно предложение, одна синтагма). Синтагма оформляется интонационной конструкцией (ИК). Каждая ИК характеризуется изменением тона голоса на

ударном слоге главного по смыслу слова; она связана с синтаксической организацией предложения и его лексическим наполнением [27].

На основании рассмотренного теоретического материала, мы убедились, что категория эмоциональности представлена на разных языковых уровнях. Мы рассмотрели морфологические, стилистические, синтаксические и фонетические средства выражения эмоций. Наиболее ярко категория эмоциональности проявляется на лексическом уровне, что подтвердит рассмотрение лексических способов выражения эмоций, рассмотрение понятия «эмоционально-оценочная лексика».

1.2. Функционально-семантические особенности эмоционально-оценочной лексики

1.2.1. «Эмоционально-оценочная лексика» в русском языке

Многие слова не только называют понятия, но и отражают отношение к ним говорящего. Эмоциональная окраска слова может выразить как положительную, так и отрицательную оценку. Поэтому эмоциональную лексику называют оценочной (эмоционально-оценочной). Однако следует заметить, что не все эмоциональные слова (например, междометия) содержат оценку; в то же время слова, в которых оценка составляет само их лексическое значение (причем оценка не эмоциональная, а интеллектуальная), не относятся к эмоциональной лексике (например: *умный, благоразумный, смекалистый*)

Эмоциональная окраска у слова возникает в результате того, что само его значение содержит элемент оценки. Функция чисто номинативная осложняется здесь оценочностью, отношением говорящего к называемому явлению, а, следовательно, и экспрессивностью. Такие слова, как *зубошлеп, разгильдяй, горлодер, властелин, всемогущий* и т. п. уже сами по себе в своей семантике несут экспрессивно-эмоциональный заряд и потому являются стилистически-окрашенными.

И. Б. Голуб, известный ученый-языковед, выделяет три группы эмоциональной лексики. Первая группа — это слова с ярким оценочным

значением (такие слова, как правило, однозначны, потому что оценка очень ярко и определенно выражена): *дивный, нерукотворный, допотопный, дерзать, опорочить, напакостить* [22].

Вторая группа — это многозначные слова, обычно нейтральные в основном значении, но получающие яркую эмоциональную окраску при метафорическом употреблении. В данном случае можно выделить две подгруппы: существительные со значением лица (*шляпа, тряпка, тюфяк, ворона, дуб*) и глаголы (*петь, шипеть, пилить, грызть, копать*) [22].

Третья группа — это слова с суффиксами субъективной оценки, передающие различные оттенки чувства. К ним относятся слова-«характеристики»: *предтеча, провозвестник, брюзга, пустомеля, подхалим, разгильдяй*; слова, заключающие положительные эмоции: *сыночек, солнышко, бабуля, аккуратненько, близехонько*; слова, выражающие отрицательные эмоции: *бородища, детина, казенщина* [22].

Отметим, что в последней группе эмоциональную окрашенность слов создают аффиксы, оценочные значения в таких случаях обусловлены не номинативными свойствами слова, а словообразованием.

Изображение чувства в речи требует особой экспрессивной краски. Экспрессивность (от лат. *expressio* — выражение) — значит выразительность. Экспрессивный — содержащий особую экспрессию. Особая экспрессия отличает слова шуточные (*благоверный, новоиспеченный*), иронические (*соблаговолить, донжуан, хваленый*), фамильярные (*недурственный, смазливый, мыкаться, шушукаться*).

Экспрессивная окраска в слове наслаивается на его эмоционально-оценочное значение, причем у одних слов преобладает экспрессия, у других — эмоциональная окраска. Поэтому разграничить эмоциональную и экспрессивную лексику очень трудно, а порой и не представляется возможным. Положение осложняется тем, что типология выразительности пока отсутствует. С этим связаны затруднения в выработке единой терминологии.

В теории выразительных средств все близкие по экспрессии слова выделяют в две группы:

1) слова, выражающие положительную оценку называемых понятий (это ласкательные слова, шутливые), например: *умница, молодец, лапочка*;

2) слова, выражающие отрицательную оценку (иронические, неодобрительные, бранные слова и т. п.), например: *тупица, пьяница, осёл, неряха*.

И. Б. Голуб отмечает, что на эмоционально-экспрессивную окраску слова влияет и его значение. Действительно, в русском языке есть ряд слов, которые в русском языке имеют резко отрицательную оценку (*фашизм, сепаратизм, коррупция, мафиозный*). За другими словами, напротив, закрепилась положительная оценка (*прогрессивный, правопорядок, гласность*) [21].

Развитию эмоционально-экспрессивных оттенков в слове способствует его метафоризация. Так, стилистически нейтральные слова, употребленные как тропы, получают яркую экспрессию: гореть (на работе), падать (от усталости), задыхаться (в неблагоприятных условиях), пылающий (взор), голубая (мечта), летящая (походка) и т. д. Окончательно определяет экспрессивную окраску контекст: нейтральные слова могут восприниматься как высокие и торжественные; высокая лексика в иных условиях может приобретать насмешливо-ироническую окраску; порой даже бранное слово может прозвучать ласково, а ласковое — презрительно (например, слово *дурачок* имеет и бранное, и ласковое значение, поэтому для точного определения значения слова необходимо обратиться к контексту). Появление у слова в зависимости от контекста дополнительных экспрессивных оттенков значительно расширяет изобразительные возможности лексики.

Экспрессивная окраска слов в художественных произведениях отличается от экспрессии тех же слов в необразной речи. В условиях художественного контекста лексика получает дополнительные, побочные смысловые оттенки, которые обогащают ее экспрессивную окраску (*дурочка*:

слово имеет уменьшительно-ласкательное значение само по себе; прелесть какая дурочка: в контексте уменьшительно-ласкательное значение только усиливается). Современная наука придает большое значение расширению семантического объема слов в художественной речи, связывая с этим появление у слов новой экспрессивной окраски.

В стилистике эмоционально-оценочные слова отражают эмоционально выраженную прагматику языка (от греч. *πραγμα* — дело, действие), т. е. отношение говорящего к действительности, содержанию или адресату сообщения: милый мне человек.

В словаре лингвистических терминов под редакцией Т. В. Жеребило читаем: «Эмоционально-оценочное слово — лексическая единица, которая включает в себя элемент оценки: дождичек, беленький и т. п. Слова с эмоциональной окраской могут включать разнообразные оттенки: иронический, неодобрительный, ласкательный и др. Эта окраска, как правило, устойчива, поскольку возникает в результате того, что само значение слова содержит элемент оценки» [38].

Л. Л. Касаткин дает следующее определение оценочной лексики: «Лексика экспрессивно-оценочная (от лат. *expressio* — «выражение») — слова, отражающие эмоциональное отношение говорящего к действительности, к содержанию или адресату сообщения» [26].

Л. Г. Самотик в учебном пособии «Лексика современного русского языка» говорит, что экспрессивность — общая семантическая категория, которая проявляется на всех языковых уровнях, это проявление субъективного начала языка в противопоставление объективному, часть языковой прагматики. В языкознании оценочно-экспрессивные коннотации рассматриваются эматологией — лингвистикой эмоций. «Эмоции — форма оценки субъектом объективного мира... В процессе языкового опосредования эмоциональность как психическое явление трансформируется в эмотивность, которая есть уже языковое явление, а эмотивные знаки языкового пространства — субституты эмоций запредельного для языка мира».

Д. Э. Розенталь и М. А. Теленкова приводят следующую классификацию эмоциональной лексики:

- 1) слова, имеющие выраженную языковыми средствами эмоциональную окрашенность: *бабуся, доченька, миленький*;
- 2) бранные слова: *мерзавец, подлец, негодяй*;
- 3) междометия: *Браво! Боже мой! Черт побери!* [37].

Л. Л. Касаткин в литературном языке выделяет три группы эмоционально-оценочных слов:

1) в самом значении слова заключен элемент оценки (*брюзга* — имеющий обыкновение надоедливо ворчать; *кляча* — плохая лошадь; *разгильдяй* — нерадивый, небрежный в делах, разболтанный человек) или положительной (*возмездие* — отплата, кара за преступление, за зло; *дерзание* — смелое стремление к чему-либо благородному, высокому);

2) экспрессивную оценку несут переносные значения слова. О человеке: *колода, корова, орел, теленок, кислый, липнуть, кипятиться* (по наблюдениям Д. Н. Шмелева, это главным образом отрицательная экспрессия);

3) слова с суффиксами субъективной оценки: *бабуля, мамочка, цветочек, домище, старикан, старичок, беленький*; не все такие слова фиксируются толковыми словарями [26].

Рис. 1. Группы эмоционально-оценочных слов

Эмоционально-оценочная лексика характерна для разговорного стиля литературного языка, художественного, публицистического (для выражения страстности) и не употребляется в научном и официально-деловом функциональных стилях, поскольку характерные черты этих стилей — это

точность, не допускающая двух или более толкований, и отсутствие эмоциональности.

1.2.2. Соотношение понятий «эмоциональность» и «оценочность»

Понятия «эмоциональность» и «оценочность» очень сложные, они тесно переплетаются между собой. В настоящее время роли эмоционально-оценочной лексики в структуре художественного текста уделяется очень большое внимание среди лингвистов и литературоведов. Внимание лингвистов привлекла специфика эмоционально-оценочной лексики по сравнению с собственно номинативной, особенности функционирования эмоционально-оценочной лексики в речи, природа коннотации. В лингвистике эмоционально-оценочные слова воспринимаются как знак, который в структуру своего значения включает денотативный и коннотативный макрокомпоненты. Однако вопрос границы между ними остается дискуссионным. Некоторые лингвисты считают, что категории «эмоция» и «оценка» взаимосвязаны (Н. А. Лукьянова, В. И. Шаховский, Л. Г. Бабенко).

Такие лингвисты, как Л. М. Васильев, В. Г. Гак, В. Н. Цоллер, О. В. Загоровская подчеркивают неразрывность эмоционального и оценочного компонентов в семантике слова, на основании чего считают возможным говорить о едином эмоционально-оценочном компоненте значения.

Признавая действительно тесную связь этих двух явлений, мы все же придерживаемся той точки зрения, что оценки и эмоции представляют собой «различные ментальные пространства, имеющие обширное поле пересечения характеристик, но отличающиеся по своим онтологическим показателям».

Разберем более подробно данные категории. Оценка является формой выражения приписываемой данному предмету или явлению ценности, эмоция — выражение испытываемых говорящим чувств, душевных переживаний по отношению к предмету или явлению.

При описании коннотативного макрокомпонента значения следует разграничивать оценку и эмоцию, тем более что имеются достаточно многочисленные случаи, когда оценочный и эмоциональный компоненты коннотации не совпадают друг с другом по «знаку» выражаемого отношения.

Таким образом, эмоция и оценка в составе коннотативного макрокомпонента тесно связаны, но являются разными семантическими компонентами. Возможна оценочность слова при отсутствии эмоциональности и наоборот: благоверный «муж, супруг» — неоц., шутл.; отпрыск «потомок» — неоц., ирон.-пренебр.; безденежный «лишенный средств к существованию» — неоц., сочувств.; доброкачественный «хорошего качества» — одобр., незм.; непогода «плохая погода» — неод., незм.; деликатес «изысканное кушанье» — одобр., незм. В большинстве случаев, однако, оценка функционирует в составе коннотации в согласовании с эмоцией: восхитительный «очень хороший, красивый» — одобр., восх.; ломиться «с силой пытаться войти» — неод., отриц.-эмоц.; продаться «перейти на сторону противника за материальные выгоды» — неод., през.; нахал «грубый, бесцеремонный человек» — неод., возм. и т. д.

По мнению И. А. Стернина, оценка может быть коннотативной и денотативной. Оценка характеризуется как денотативная, если выражается неодобрительное отношение к предмету, а не предмет + его оценка, например: красивый, великолепный, подлец, негодяй и др. Разграничивается денотативная и коннотативная оценка следующим образом: если можно сформулировать значение слова без оценочных слов и добавить тестовую фразу «и это хорошо (плохо)», то оценка коннотативная, ср.: *голословный* — не основанный на фактах — и это плохо; если такая процедура оказывается невозможной, то оценка денотативна: *мелкотемье* — мелкая, незначительная тематика, *расточитель* — человек, безрассудно расходующий деньги, средства и т. д. Если оценка в слове денотативная, то говорят об оценочном слове, если коннотативная — о слове с оценочным компонентом значения [40].

В значениях слов *дебошир, скандалист, самодур, вор, расист* и подобных неодобрительная оценка денотативна, слово называет неодобрительно оцениваемый социумом денотат, но при этом в коннотативном макрокомпоненте значения этих единиц эмоция и оценка будут фиксироваться семами *неэмоциональное* и *неоценочное*. Возможны и другие варианты соотношения эмоции и оценки в значении слова — нет денотативной оценки, но есть коннотативная. Например: *доченька, дядюшка, сынуля, внученька*: — денотативная оценка отсутствует — коннотативная оценка одобрительное — эмоциональный компонент *положительно-эмоциональное*.

Эмоциональные компоненты значения слова более разнообразны. В ряде случаев эмоция выступает в значении в самом общем виде — как отрицательная или положительная эмоция: *полож.-эмоц.: добряк, молодчина, компанейский, дотошный, благодать; отриц.-эмоц.: разбитной, гадкий, мерзкий, умудриться, толстуха, приткий*.

И. А. Стернин выделяет следующие эмоциональные компоненты значений: *презрительное, пренебрежительное, уничижительное, ироничное, бранное, ласкательное, сочувственное, шутивное, восхищенное, возмущенное и фамильярное* (табл. 1).

Таблица 1

Классификация эмоциональных компонентов

Эмоциональные компоненты значений	Примеры
Презрительное отношение	Голодранец, бредни, фискал, доносчик, угодливый, делец, проныра
Пренебрежительное	Старикашка, развалюха, работничек, задрипаный, деляга, закоулок

Уничижительное	Ничтожество, сопляк, быдло, ворюга, мальчишка, выкормыш, бандюга
Ироничное	Отпрыск, видок (ну и видок у тебя), зазноба
Бранное	Сволочь, мерзавец, подлец, негодяй
Ласкательное	Дружочек, бабуся, солнышко, миленький, бережок, ручонка
Сочувственное	Бедненький, скончаться, бедняга, горемыка, бедолага, заморыш
Шутливое	Благоверная, новоиспеченная, бутуз, полуночник, любезничать, егоза
Восхищенное	Пленительный, обворожительный, потрясающий, поразительный
Возмущенное	Безобразный, похабный, возмутительный
Фамильярное	Тряпки, шмотки, барахло, пузо, дружбан, подружайка

Эмоциональность и оценочность в семантике слова могут быть согласованными (с одинаковым знаком) и несогласованными (с разными знаками). Однако возможна также и несогласованная коннотация, когда оценка и эмоция не согласуются, то есть не дублируют друг друга [40].

Психолингвистические эксперименты показывают, что компоненты оценка и эмоция во многих семемах представлены коннотативной многозначностью — одна семема содержит противоречивую коннотацию: положительную и отрицательную оценку, положительную или отрицательную эмоцию одновременно. При этом яркость той или иной оценки может существенно различаться. Положительная оценка может существенно доминировать над негативной, но при этом в значении представлены обе

оценки или эмоции, яркость эмоции и оценки может быть также примерно равной.

Исследование эмоционального фактора в коннотативной оценке слова остается одной из наиболее сложных. Антропоцентрический подход, упрочивший свое положение в лингвистике, побуждает исследователей обращаться к описанию лексики, выражающей оценку и эмоции.

Эмотивная лексика традиционно изучается с учетом такой категории, как оценочность.

Оценочная лексика — слова, в значении которых есть оценка, положительная или отрицательная характеристика предмета, признака или действия. Оценка как семантическое понятие подразумевает ценностный аспект значения языковых выражений, который может интерпретироваться как «А (субъект оценки) считает, что Б (объект оценки) хороший / плохой и т. д. Оценка как ценностный аспект значения присутствует в самых разных языковых выражениях. Она может быть ограничена элементами, меньшими, чем слово, а может характеризовать и группу слов, и целое высказывание. Об оценочной семантике говорят при выявлении значений разных языковых единиц (ср. *кошка* — *кошечка*, *друг* — *другочек*), лексем (ср. *мальчик* — *умница*, *молодец*). Имеются целые слои лексики, предназначенные для оценки, например, прилагательные и наречия, которые обнаруживают огромное разнообразие оценочной семантики (*отличный, прекрасный, хороший, неплохой, плохой, гадкий, ужасный, отвратительный* и т. д.)» [40].

Важнейшей особенностью оценки является то, что в ней всегда присутствует субъективный фактор, взаимодействующий с объективным. Оценочная лексика позволяет выявить своеобразие интеллектуального и эмоционального в слове, т. к. оценка предполагает единство интеллектуального и эмоционального подхода к предметам и явлениям и становится проявлением единства объективного и субъективного. Оценочное высказывание, даже если в нем прямо не выражен субъект оценки, подразумевает ценностное отношение между субъектом и объектом. Иногда

субъективный и объективный аспекты оценки могут быть и разделены. Например, говоря, что мне нравится этот рассказ М. Зощенко, субъект не сообщает о свойствах самого рассказа, а лишь о своем отношении к нему. Чисто же субъективное отношение передается чаще словами с аффиксами: *Ванюша показывал ему язык, бегал и кричал: «Пьяница, урод, развратник! Зубоскал, тисака!»* (А. С. Пушкин. Детская книжка).

Оценочная лексика не только служит более точному выражению смысла и позиции автора, но и украшает речь.

1.2.3. Функции оценочной лексики в художественной речи

Функции оценочной лексики очень разнообразны. В первую очередь, это функция украшения речи. Также оценочная лексика выражает отношение говорящего к предмету, явлению, человеку и т. п. В художественной литературе особое значение имеет описательно-характерологическая функция, которая отвечает за создание портрета (как психологического, так и визуального) персонажей при помощи описания их внешности, качеств характера, личностных черт.

В литературных произведениях, например, А. С. Грибоедова мы можем встретить использование слов с суффиксами субъективной оценки. Фамусов в комедии «Горе от ума» использует в речи подобные слова, с целью показать расположение к собеседнику: *Прозябли вы, согреем вас; **отдушничек** отвернем поскорее*. Вслед за Фамусовым вторит Молчалин, используя в речи слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами, что лишний раз подчеркиваем в нем сущность льстеца: *Ваш шпиц — прелестный шпиц, не более наперстка, я гладил все его: как шелковая **шерстка***.

Стилистическое применение экспрессивного словообразования в творчестве крупнейших русских писателей обусловлено особенностями их слога и конкретными художественными задачами, которые решались при отборе выразительных средств языка для того или иного произведения. Некоторые авторы активно использовали этот источник экспрессии

(И. С. Тургенев, М. Е. Салтыков-Щедрин, Н. А. Некрасов), другим эта манера была чужда (А. П. Чехов, Л. Н. Толстой).

Ф. М. Достоевский использует слова с уменьшительно-ласкательными оценочными суффиксами для создания речевой характеристики социально приниженного героя: *Было мне всего семнадцать годочков, когда я на службу явился* (Бедные люди); *Стыдненько мне было, Варенька!* (Бедные люди).

В романе «Преступление и наказание» в речи Порфирия Петровича, следователя, эмоционально-оценочная лексика помогает создать насмешливо-язвительный тон речи: *Я знаю, он моя жертвочка.*

У Н. А. Некрасова слова с суффиксами субъективной оценки служат для достижения народно-поэтического звучания речи:

Доля ты! — русская долюшка женская!

Ты прости, прости, полянушка!..

Мало слов, а горя реченька, горя реченька бездонная...

В сатирических же произведениях Некрасова формы субъективной оценки выполняют функцию достижения сарказма:

Статейку тиснул в пол-листа

Какой-то господин Давыдов

О пользе плети и кнута...

Так за эту бы речь

Мужичонку посесть.

Особое внимание использованию оценочной лексики уделяли поэты Серебряного века в своих произведениях. На примере творчества В. Маяковского можно отметить, что использование слов с субъективной оценкой придает речи памфлетное звучание и служат для создания иронической и сатирической окраски речи: *Болтают язычишки газетных строк...*

У М. Е. Салтыкова-Щедрина экспрессивное словообразование выполняет чаще всего сатирическую функцию. Так, в создании психологического портрета Иудушки-кровопивушки «ласковые» слова с

суффиксами субъективной оценки играют важную стилистическую роль: они придают речи Головлева слащавость, елейность, подчеркивают его лицемерие, ханжество: *А знаете ли вы, маменька, отчего мы в дворянском званье родились? ... Сидели бы теперь в избушечке, да горела бы у нас не свечечка, а лучинушка, а уж насчет чайку да кофею - об этом думать бы не смели.*

В сатирических произведениях (М. Зощенко, И. Ильф и Е. Петров) эмоционально-окрашенная лексика используется традиционно как средство создания комического. По определению О. И. Федотова, сатира — «негативное отношение к изображаемому предмету, осмеяние и гневное обличение явлений действительности, резко отклоняющихся от идеального представления о них» [41]. «В искусстве, задачей которого является формирование и поддержка культурных картин мира, сатира становится способом и системой форм практического воплощения эстетической категории комического посредством различных специфических приемов неодобрения» [41]. Одним из таких приемов является использование эмоционально-окрашенной лексики. Такая лексика может быть использована для нескрываемого, карикатурного преувеличения (в описании внешности, одежды, поступков, речей, мыслей, чувств и т. д.), чем нарушаются естественные пропорции, создается намеренная дисгармония.

Авторы сатирических произведений ставят своих героев в такие нелепые положения, которые выявляют их отвратительные черты. Реплики персонажей, их примитивные цели и гнусные способы их достижения показаны с такой стороны, чтобы вызвать у читателя смех. В отдельных случаях сатирически описываются не те или иные персонажи, а основополагающие устои несправедливого мира (М. Е. Салтыков-Щедрин).

ВЫВОДЫ ПО ПЕРВОЙ ГЛАВЕ

Ученые подчеркивают неразрывность эмоционального и оценочного компонентов в семантике слова, на основании чего считают возможным говорить о едином эмоционально-оценочном компоненте значения. Признавая действительно тесную связь этих двух явлений, следует отметить, что оценки и эмоции представляют собой «различные ментальные пространства, имеющие обширное поле пересечения характеристик, но отличающиеся по своим онтологическим показателям». Оценка является формой выражения приписываемой данному предмету или явлению ценности, эмоция — выражение испытываемых говорящим чувств, душевных переживаний по отношению к предмету или явлению.

Таким образом, эмоция и оценка в составе коннотативного макрокомпонента тесно связаны, но являются разными семантическими компонентами.

В качестве основного мы используем определение из словаря лингвистических терминов под редакцией Т. В. Жеребило: «Эмоционально-оценочное слово — лексическая единица, которая включает в себя элемент оценки». Слова с эмоциональной окраской могут включать разнообразные оттенки.

Грамматические и семантические особенности эмоционально-оценочной лексики: наличие суффиксов субъективной оценки (экспрессивное словообразование), метафоричность оценочных значений, оценочная лексика — средство выражения авторской позиции.

Функциональные особенности эмоционально-оценочной лексики. Эмоционально-оценочная лексика служит для украшения речи, имеет описательно-характерологическую функцию, функцию достижения сарказма, функцию создания иронической и сатирической окраски речи.

2. ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СЛОВ, ВЫРАЖАЮЩИХ ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНУЮ ХАРАКТЕРИСТИКУ

2.1. Особенности функционирования эмоционально-оценочных слов в рассказах М. Зощенко

Ряд исследователей (И. Б. Голуб, Л. Л. Касаткин) выделяют три группы эмоционально-оценочной лексики: слова с суффиксами субъективной оценки, слова с коннотативным элементом в лексическом значении и слова, экспрессивную окраску которых выражают переносные значения.

Проанализировав рассказы М. М. Зощенко, мы отметили, что наиболее часто автор использует **слова с суффиксами субъективной оценки** — из 320 проанализированных примеров 150 относятся к данной категории.

Итак, первая группа — это слова с суффиксами субъективной оценки. Оценочные лексемы представлены единицами с суффиксами уменьшительно-ласкательными (90 примеров) и уменьшительно-пренебрежительными (60 примеров).

Самыми продуктивными уменьшительно-ласкательными суффиксами являются суффиксы **-ек-** и **-ок-** (31 лексическая единица):

Все-таки дома, безусловно, супруга не старая и мальчишек («Чертовинка»).

*Взяли мы **сундучок** и перину на телегу* («Жених»).

*Меньше чем через год у нас с супругой небольшой **ребёночек** рождается* («Кризис»).

Самый продуктивный уменьшительно-пренебрежительный суффикс — это суффикс **-ишк-** (26 примеров), который под ударением при добавлении к основе образует существительное с оттенком пренебрежительности.

*Ну, думаю, будет теперь беда-**бедишка*** («Чертовинка»).

*Но, думает, на то я и передовой товарищ, чтоб за такие трудные **делишки** браться* («Горько»).

Суффиксы **-енк-** и **-онк-** под ударением при добавлении к существительным образуют имена существительные мужского или женского рода с уменьшительно-ласкательным или уменьшительно-пренебрежительным значением.

*Две недели, знаете, проходил по улицам с вещами — оброс **бородёнкой** и вещи порастерял («Кризис»).*

*А мельник, это точно, скрывал свои **деньжонки** («Виктория Казимировна»).*

Слова данной категории по значению можно объединить в три тематические подгруппы. Первая подгруппа — существительные со значением названия предметов обихода и быта.

*Маленький вообще **домишко** («Утонувший домик»).*

*В этом году в Зимнем дворце разное царское **барахлишко** продавалось («Царские сапоги»).*

*Залез в какую-то бабью сумочку, выбрал оттуда маленький такой **портсигарчик** с пудрой и платок довольно вонючий и переложил всё это добришко в свой карман («Бедный человек»).*

Вторая подгруппа — оценка героев рассказов рассказчиком.

*Может, **мужички** на аэроплан сложатся («Агитатор»).*

*Все-таки дома, безусловно, супруга не старая и **мальчишек** («Чертовинка»).*

Третья подгруппа — оценка героев рассказов, но уже не просто в прямом упоминании, а через описание портретных характеристик героев.

*Заведующий наш, голубчик Иван Фёдорович, ходит и **ручки** свои трёт («Бочка»).*

*И как ему другой произвести — **ножки** гнутся, **ручки** трясутся («Гиблое дело»).*

*Старых поддерживает под **локоток** («Валя»).*

Самой многочисленной является первая подгруппа слов, она имеет большое значение для создания нужного колорита и описания бедной,

беспросветной жизни (80 лексических единиц). Третья подгруппа слов в рассказах М. М. Зощенко употребляется достаточно редко, поскольку автор не так часто приводит портретные описания героев (29 лексических единиц). Вторая группа представлена в количестве 41 лексической единицы.

Все герои рассказов — это малообразованные и невоспитанные люди. Михаил Зощенко рисует образ маленького человека, а потому у него «ручка», «ножка», «локоток», «бороденка», и живут его герои в простеньких «домишках», где все «барахлишко» умещается в маленьком «сундучке». Все, что имеет простой человек, настолько мало и ничтожно, что автор стремится показать не просто все, как есть в реальной жизни, а усилить этот образ, произвести более сильное впечатление на читателя.

Чаще всего Зощенко использует существительные для описания интерьера, создания портрета персонажей.

*Залез в какую-то бабью сумочку, выбрал оттуда маленький такой **портсигарчик** с пудрой и платок довольно вонючий и переложил всё это добришко в свой карман («Бедный человек»).*

*Две недели, знаете, проходил по улицам с вещами — оброс **бородёнкой** и вещи порастерял («Кризис»).*

Изредка автор использует имена прилагательные для описания черт характера или качеств человека.

*Но он, **бедненький**, забыл, что он стеклянный, и разбился («Графин»).*

*И ходил со стеком, весёлый и остроумный, способный поразить своей внешностью не только **простенькую** девушку из провинции («Двадцать лет спустя»).*

***Веселенький** и слегка под хмельком («Спешное дело»).*

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что из всех слов с суффиксами субъективной оценки наиболее часто автор использует существительные с уменьшительно-ласкательными суффиксами для названия предметов обихода и быта.

Вторая группа эмоционально-оценочной лексики, которая представлена в рассказах М. М. Зощенко, — это **слова с коннотативным элементом в лексическом значении.**

Слова с ярким оценочным значением писатель использует не только в тексте своих рассказов, но и в названиях: *счастье, чудный, веселенькая* — положительная оценка; *гибкое, прискорбный* — отрицательное значение («Счастье». «Чудный отдых». «Веселенькая история». «Гибкое место». «Прискорбный случай»).

В слове *скорбный* эмоциональный компонент заложен в лексическом значении (согласно толковому словарю под редакцией С. И. Ожегова, скорбный — печальный, вызывающий скорбь), но автор усиливает проявление этого признака при помощи приставки при-

В рассказах М. М. Зощенко встречается множество лексических единиц, обладающих коннотативным лексическим значением (112 примеров).

Мне, такому-то, пришлось наниматься рабочим батраком к своему задушевному приятелю («Чертовинка»).

Мне бы, говорю, милый ты мой приятель («Гибкое место»).

Пострадал этот милый человек («Прискорбный случай»).

Ты же человек, одаренный качествами («Чертовинка»).

Только что характер у него оказался мягкий и уступчивый («Прискорбный случай»).

Ничего себе. Хороший человек («Великосветская история»).

Очень я тебя, Назар, уважаю, и вполне ты прелестный человек («Великосветская история»).

А был у меня задушевный приятель («Великосветская история»).

В некоторых случаях Зощенко использует для описания ситуации слова, в которых значение коннотативного элемента семантики совпадает с их оценкой в контексте.

Например, слово *роскошный* в толковом словаре под редакцией С. И. Ожегова объясняется следующим образом:

Роскошный, -ая, -ое; -шна, -шен. — 1. Отличающийся роскошью, богатством. 2. Очень хороший, замечательный (разг.).

Автор употребляет слово *роскошная* в значении, которое свойственно разговорному стилю речи (роскошная жизнь — очень хорошая жизнь). Этим Зошенко еще раз подчеркивает, что герои его произведений — простые, ничем не примечательные люди:

Жизнь у меня, прямо скажу, роскошная («Чертовинка»).

Еще одно слово с коннотативным значением — это прилагательное *прелестный*. В толковом словаре под редакцией С. И. Ожегова дается следующее определение:

Прелестный, -ая, -ое; -тен, -тна. — Полный прелести, очарования.

М. Зошенко употребляет слово в прямом значении, описывая пост комиссара как достойную должность, вызывающую восхищение у самого героя и других:

Я комиссар и занимаю вполне прелестный пост в советском имени («Чертовинка»).

Еще один пример слова с коннотативным значением — это прилагательное *задушевный*, которое в толковом словаре под редакцией С. И. Ожегова объясняется следующим образом:

Задушевный, -ая, -ое; -вен, -вна. — Глубоко искренний, сердечный; сокровенный.

Автор описывает близкие дружеские отношения между людьми, используя слово *задушевный*:

Мне, такому-то, пришлось наниматься рабочим батраком к своему задушевному приятелю («Чертовинка»).

В данном случае лексическое значение слово совпадает со значением слова в контексте.

При детальном рассмотрении некоторых лексических единиц в текстовом поле автора явно прослеживается ироничная окраска. Рассмотрим это на конкретном примере.

Герою из рассказа «Прискорбный случай» дается сначала положительная оценка:

*А был этот человек в высшей степени **сознательный**. Только что характер у него оказался **мягкий** и **уступчивый**.*

В толковом словаре под редакцией С. И. Ожегова выделенные лексемы объясняются следующим образом:

Сознательный, -ая, -ое; -лен, -льна. — 1. Обладающий сознанием. 2. Правильно оценивающий, вполне понимающий окружающее. 3. Намеренный, совершенный по размышлению, обдуманный.

Мягкий, -ая, -ое; -гок, -пса, -гко, -гки. — 1. Легко поддающийся давлению, сжатию, малоупругий, эластичный. 2. Приятный при ощущении, не раздражающий. 3. Плавный, размеренный. 4. Кроткий, лишённый грубости, резкости (про характер человека). 5. Не очень строгий, снисходительный, не суровый.

Уступчивый, -ая, -ое; -чив, -а, -о. — Готовый на уступки; сговорчивый, покладистый (о человеке).

Как можно заметить, лексическое значение указанных слов несет положительную оценку. У читателя возникает приятное впечатление о герое. Но далее читатель понимает весь комизм и ироничность сказанного:

Другой бы выпивший человек начал бузить и расстраиваться, а Николай Иванович чинно и благородно прошелся по проспекту.

Николай Иванович, главный герой, напивается и идет в кино:

... чего мне зря по панелям в пьяном виде трепаться и прохожих задевать.

В зале ему становится плохо, и зрители просят его покинуть зал. Герой решает не спорить с толпой, выходит из зала, но пытается вернуть деньги за билет у «кассирши» назад. К женщине он обращается пренебрежительно, а когда она отказалась возвращать деньги, и вовсе грубит:

Ты пойми, зараза...

Так, благородный, мягкий и уступчивый оказался на самом деле скандалистом, любителем выпить, грубияном и совершенно невоспитанным человеком.

М. Зощенко употребляет эмоционально-оценочные слова как для передачи иронично-шутливого настроения, так и для действительной характеристики предметов, явлений, людей.

В анализируемой группе слов можно выделить следующие тематические разновидности: слова, используемые для описания личных качеств или черт характера людей (милый человек, мягкий и уступчивый характер) и слова, используемые для описания жизненных ситуаций (роскошная жизнь):

*Этот **милый** человек при одном только слове — Пушкин — ужасно вздрагивает и глядит в пространство («Пушкин»).*

*Очень **роскошная** жизнь началась у Мишки Рундукова («Беда»).*

Анализируя приведенные выше примеры, можно сделать вывод, что большинство слов с коннотацией в их лексическом значении (90 примеров) — имена прилагательные. Как известно, имя прилагательное — часть речи, обозначающие качество, признак или принадлежность предмета. Большое количество прилагательных с коннотативным лексическим значением Зощенко употребляет по отношению к людям (70 лексических единиц). Таким образом автор описывает персонажей, их качества, особенности внешности и характера.

Последняя (третья) группа эмоционально-оценочной лексики, которую выделяют ученые, — это **группа слов, экспрессивную окраску которых выражают переносные значения**. Эта группа слов представлена наименьшим количеством примеров в рассказах М. М. Зощенко (из 320 проанализированных примеров 58 относятся к данной категории).

В данной категории, учитывая морфологическую природу слова, можно выделить две подгруппы: существительные со значением лица (38

лексических единиц: *шляпа, медведь, дуб и т. д.*) и глаголы (20 лексических единиц: *петь, шипеть, копать и т. д.*).

*Бабка Анисья у плиты ровно **слон** ходит* («Матрениша»).

Толковый словарь под редакцией С. И. Ожегова дает следующее определение:

Слон, -а, м. — 1. Крупное с двумя большими бивнями хоботное млекопитающее тропических стран. 2. В шахматах: фигура, передвигающаяся на любое число клеток по диагонали.

М. Зощенко употребляет слово слон по отношению к женщине. Такое сравнение основано на внешних сходствах героини и этого крупного животного (размер, неуклюжесть).

— *Пригрел я **змею**... Но ничего, не позволю над собой насмехаться* («Неизвестный друг»).

В толковом словаре под редакцией С. И. Ожегова находим следующее определение:

Змея, -и, мн. змеи, змей, змеям, ж. — 1. Пресмыкающееся с длинным извивающимся телом, часто с ядовитыми железами пасти. 2. перен. О злом и язвительном человеке.

Автор употребляет слово *змея* по отношению к женщине, основываясь на ее личных человеческих качествах, напоминающих о качествах этого животного (коварство, хитрость).

В тексте рассказов автор использует в переносном значении и глагольную лексику.

*Фёкла Тимофеевна ещё слегка **полаялась** со своим военным и пошла на Щукина* («Веселенькая история»).

Толковый словарь под редакцией С. И. Ожегова дает следующее определение:

Лаять, лаю, лаешь; несов. — 1. О собаке, лисице и некоторых других животных: издавать характерные громкие, резкие и отрывистые звуки. 2. перен. Бранить, ругать (прост.).

В данном случае М. Зощенко употребляет слово *полаялась* в переносном значении (лаять — ругать, бранить кого-то).

Опять же шипит при разговоре («Социальная грусть»).

В толковом словаре под редакцией С. И. Ожегова слово трактуется следующим образом:

Шипеть, -плю, -пишь; несов. — 1. Издавать глухие звуки, напоминающие протяжное произношение звука «ш». 2. перен. Говорить сдавленным от злости голосом. 3. перен. Ворчать, браниться, выражая своё недовольство, злобу.

Слово *шипит* также употреблено в переносном значении (шипеть — ворчать, браниться, выражать свое недовольство).

Переносные значения развиваются на основе сходства степени проявления звуков, которые издают животные, с теми, которые оформляют речь человека. Сходство также можно увидеть и в том неприятном впечатлении, которое производят на окружающих эти звуки (и животного, и человека). С людьми, издающими подобные звуки, неприятно общаться.

Работа прямо в руках кипит — такой подъём наблюдается («Бочка»).

Толковый словарь под редакцией С. И. Ожегова дает следующее определение:

Кипеть, -плю, -пишь; несов. — 1. О жидкости: бурлить, клокотать, испаряясь от сильного нагрева. 2. перен. Осуществляться с большой силой. 3. перен. Проявлять (какое-н. чувство, волнение) с силой, бурно.

В данном случае автор употребляет слово *кипит* в переносном значении, чтобы выразить с какой силой осуществляется действие.

Проведенный анализ дает возможность сделать вывод, что чаще всего в метафоричном значении используются названия животных, это связано со сходством людей и животных в некоторых аспектах (поведение, внешние признаки). Употребление глаголов в переносном значении также обосновано сходством действий, осуществляемых людьми и животными или некоторыми предметами.

2.2. Особенности функционирования эмоционально-оценочных слов в рассказах И. Ильфа и Е. Петрова

Было рассмотрено и проанализировано 162 примера употребления эмоционально-оценочных лексем в рассказах И. Ильфа и Е. Петрова.

Первую группу представляют слова с коннотативным элементом, заложенным в лексическом значении, — из 162 примеров 80 относятся к данной категории.

Хороший такой граммофончик был. Не то импортный, не то экспортный. Что ж теперь нам делать? («Последняя встреча»).

Однажды началась **ожесточенная** кампания в газетах («Добродушный Курятников»).

— Да я тебе и отвечаю — **ответственный** работник («Последняя встреча»).

— Как приятно, — сказал один из них, натягивая простыню на свою мохнатую грудь, — поговорить с **интеллигентным** человеком («Разносторонний человек»).

Тогда **горемыка** отец решился на крайность («Счастливый отец»).

Вы говорите — сдвиги. Конечно, сдвиги! **Колоссальные!** («Разносторонний человек»).

А дальше все было **хорошо** и даже **замечательно** («Чудесные гости»).

Неуязвимый мальчик снисходительно усмехнулся («Разговоры за чайным столом»).

Слова с ярким оценочным элементом встречаются уже в названиях некоторых рассказов: «Добродушный Курятников», «Разносторонний человек», «Энтузиаст» (положительная оценка); «Лентяй», «Пропащий человек», «Нахал» (отрицательная оценка).

В большинстве случаев И. Ильф и Е. Петров используют для описания ситуации слова, в которых значение коннотативного элемента семантики совпадает с их оценкой в тексте.

Например, слово *хороший* в толковом словаре под редакцией С. И. Ожегова объясняется следующим образом:

Хороший, -ая, -ое; -ош, -оша; в знач. сравн. и превосх. ст. употр. лучше, лучший. — Вполне положительный по своим качествам, такой, как следует. *Хороший работник. Хороший голос. Хороший характер.*

Авторы употребляют слово *хороший* для описания личных качеств одного из героев рассказа:

*Вся беда заключалась в том, что он был **хороший** человек («Добродушный Курятников»).*

Продолжая читать рассказ, мы понимаем, что положительная оценка, заложенная в значении слова, совпадает с оценкой, которую дают герою авторы:

Никогда ничего не крал, вовремя приходил на работу, вежливо обращался с посетителями.

Рассмотрим еще один пример, в котором значение коннотативного элемента семантики совпадает с оценкой в тексте, — наречие *отвратительно*.

В толковом словаре под редакцией С. И. Ожегова дается следующее определение:

Отвратительно от прил. *отвратительный* -ая, -ое; -лен, -льна. — Вызывающий отвращение; очень плохой. *Отвратительный запах. Отвратительный поступок. Отвратительное настроение.*

И. Ильф и Е. Петров употребляют слово *отвратительно* в прямом значении, описывая домашнее убранство:

*В комнате **отвратительно** («День мадам Белополякиной»).*

По мере знакомства с дальнейшим текстом мы понимаем, что картину действительно можно назвать отвратительной:

На столе оставшаяся после вчерашнего ужина грязная посуда (мадам Белополякина поленилась ее вымыть и оставила до утра, когда придет домработница). На стульях разбросаны юбки, чулки, бюстгалтеры. Угол одеяла съехал с постели на пол. В раскрытой дверце зеркального шкафа

отражается опухшее после сна лицо и гривка неестественно желтых стриженных волос.

При детальном рассмотрении лексических единиц в текстовом поле авторов, можно заметить, что в некоторых случаях явно прослеживается ироническая окраска.

В начале рассказа «Бронированное место» авторы дают герою по фамилии Посиделкин положительную оценку, выделяя его умственные качества:

Бедя произошла не оттого, что Посиделкин был глуп. Нет, скорее он был умен.

В толковом словаре дается следующее определение слову *умный (умен)*:

Умный, -ая, -ое; умен, умна. — Обладающий умом, выражающий ум. *Умный наставник. Умное лицо. Умный взгляд.*

У читателей возникает приятное впечатление о герое, однако по мере прочтения становится ясно, что умным героя никак назвать нельзя, это слово выражает иронию авторов по отношению к герою.

Посиделкину предстояло непростое дело: ему нужно было купить билет на поезд. В те времена на вокзале купить билет не представлялось возможным, поэтому приходилось доставать билеты через знакомых. Посиделкин приставал с просьбой достать билет буквально к каждому из своих знакомых:

— Если вы меня любите, — говорил Посиделкин каждому своему знакомому, — достаньте мне билет в Ейск. Жесткое место. Для лежания.

— А для стояния не хотите? — легкомысленно отвечали знакомые.

— Бросьте эти шутки, — огорчился Посиделкин, — человеку надо ехать в Ейск поправляться, а вы... Так не забудьте. На тринадцатое сентября. Наверное же у вас есть знакомые, которые все могут. Да нет! Вы не просто обещайте — запишите в книжечку.

Герой занимался составлением схем, где обозначал всех, кто так или иначе связан с приобретением билетов. Эта сцена абсурдна, потому что не

стоило подходить к делу с таким рвением. Достаточно было попросить одного-двух человек, Посиделкин же обратился к сотне своих знакомых.

Посиделкин ведет себя абсолютно неадекватно и уже не кажется умным человеком:

Чем ближе подходил день отъезда, тем отчаяннее становилась деятельность Посиделкина. Она уже начинала угрожать спокойствию города. Люди прятались от него. Но он преследовал их неотомимо. Он гнался за ними на быстроходных лифтах. Он перегрузил ручную и автоматические станции бесчисленными вызовами.

В финале рассказа читатель видит, как Посиделкин стоит на вокзале и пытается продать бесконечное количество билетов. Знакомые его не подвели — каждый достал ему билет. Покупателей на эти билеты нет, поскольку все знают, что на вокзале билеты не купить. Таким образом, «умный» Посиделкин попадает в комическую, абсурдную ситуацию, на деле оказываясь достаточно глупым и странным человеком.

Стоит отметить, что в некоторых случаях авторы усиливают оценочное значение отдельного слова при помощи вспомогательных лексических единиц.

Извините, но вы какой-то болезненно скупой человек («Широкий размах»).

Слово *скупой* само по себе имеет коннотативный элемент в лексическом значении, что подтверждает статья из толкового словаря под редакцией С. И. Ожегова:

Скупой, -ая, -ое; скуп, скупа, скупое, скупы и скупы. — Чрезмерно, до жадности бережливый, избегающий расходов. *Скупой старик.*

Используя наречение *болезненно*, авторы подчеркивают, что скупость героя доведена до предельного состояния.

Слово *болезненно* также само по себе имеет оценочный элемент:

Болезненно от прил. *болезненный*, -ая, -ое; -зен, -зенна. —

1. Возникший вследствие болезни, склонный к болезни, нездоровый.
2. Неестественный, ненормальный, чрезмерный.

Таким образом, сочетание двух лексических единиц, каждая из которых имеет оценочный компонент, можно назвать стилистическим приемом. Авторы используют этот прием, чтобы дать читателям точное описание человека, предмета, явления и т. д. В данном случае герой не просто скуп, его скупость ненормальна, неестественна, чрезмерна.

В некоторых случаях авторы для усиления оценочного значения используют фразеологизмы, в состав которых входят слова, имеющие оценочный компонент в лексическом значении.

*Врут даже **кристально честные** и правдивые люди, которым в нормальных атмосферных условиях и в голову не придет сказать неправду (Собачий холод).*

Слово *честный* имеет положительное оценочное значение, что подтверждается словарной статьей:

Честный, -ая, -ое; -тен, -тна, отно, -тны и -тны. — 1. Проникнутый искренностью и прямоотой, добросовестный. *Честный человек. Честный труд. Честные намерения.* 2. Заслуживающий уважения, безупречный.

Авторы не просто наделяют героев качеством, которое выражено словом *честный*, они усиливают его, используя фразеологизм *кристальная честность*.

Во фразеологическом словаре русского языка под редакцией А. Н. Булыко этому фразеологизму дается следующее определение:

Кристальная честность — безукоризненная, неподкупная, безупречная честность [10].

Использование фразеологизма, в состав которого входят оценочные лексемы, также является приемом, служащим для усиления выразительности и подчеркивания каких-либо деталей, как в данном случае.

В рассказах И. Ильфа и Е. Петрова среди слов с коннотативным элементом в лексическом значении можно выделить три основные тематические подгруппы. Первая подгруппа — слова, используемые для описаний быта и домашнего убранства. Эта группа представлена наименьшим количеством примеров в рассказах. Авторы не акцентируют свое внимание на описании интерьеров.

— У него **хорошая** мебель, — мрачно сказал Кошачий. — Все, что надо для работы: стульев шведских — шесть, столов письменных — один, еще один стол — малый, графин, бронзовая пепельница с собакой, **красивый** новый клеенчатый диван («Широкий размах»).

— И потом, — продолжал Семен Семенович, — купите вы наконец **приличный** сервиз, а то вы подаете уже черт знает на чем («Широкий размах»).

Вторая тематическая подгруппа — слова, используемые для описания личных качеств человека, его характера, личности. Эта группа наиболее представлена в рассказах, поскольку авторы часто представляют психологический портрет персонажей.

Еще через месяц все в редакции твердо знали, что Курятников — **глупый, бесталанный** человек («Добродушный Курятников»).

Он имел только один недостаток — был **бездарен, безнадежно глуп** («Добродушный Курятников»).

А я, **дурак**, думал, что похолодание вызвано вторжением широких горячих масс аравийского воздуха («Собачий холод»).

Третья подгруппа — слова, описывающие жизненные ситуации, явления, погодные условия и т. д. Такие лексемы могут давать характеристику неодушевленным предметам, действиям, поступкам.

Через пять минут мы с инженером Наоборотко уже вели **задушевную дружескую** беседу («Энтузиаст»).

Сейчас мы заняты проектированием **замечательного** химического завода («Энтузиаст»).

Они добросовестно перелистывают сонник («Гослото»).

В некоторых случаях эмоционально-оценочные слова используются для портретных описаний героев. *Был, например, такой случай, когда одна всемирная красавица предложила старому писателю Шоу вступить с ней в брак. «Я красива, — сказала она ему, — а вы умны. У нас должно быть отличное потомство» («Проклятая проблема»).*

В большинстве случаев словами с оценочным компонентом в лексическом значении выступают имена прилагательные: как в полной, так и в краткой формах. Имена существительные встречаются намного реже: из 80 примеров только 14 существительных. Достаточно часто употреблено наречий, описывающих действия героев: из 80 примеров мы выделили 28 наречий.

На втором месте по частоте использования в рассказах И. Ильфа и Е. Петрова находятся слова с **суффиксами субъективной оценки**: в текстовом поле авторов мы выделили 57 подобных лексем.

*Я оторвал взгляд от уличной **сценки**, которую с интересом наблюдал, и оглянулся («Весельчак»).*

*Мотив «Джовинеццы» страшно напоминает студенческую **песенку** «От зари до зари, лишь зажгут фонари, то студенты толпой собираются» («Гослото»).*

*— В **афишке**, — храбро сказал я, — фамилии певцов обозначены. Очевидно, они и будут петь («Нюрнбергские мастера пения»).*

*Однако ничто не вечно под луной, под этой **планетишкой**, питающейся, как известно, чужим светом («Рассказ об одном солнце»).*

*Ему не интересны интимные **делишки** мадам Клейстер («Семейное счастье»).*

***Сынишка**-октябренок издает собственную стенгазету («Загадочная натура»).*

*На всех картинах, написанных величайшими мастерами эпохи Возрождения, были следы творчества целомудренных хозяев: к **голеньким***

ангелочкам, которыми в изобилии снабжены картины, бездарной рукою монахов были пририсованы нелепые **юбчонки** («Чертоза»).

Одним из наиболее продуктивных суффиксов субъективной оценки в рассказах И. Ильфа и Е. Петрова является суффикс **-инк-**. Из 57 проанализированных примеров 20 образованы при помощи суффикса **-инк-**. Этот суффикс при добавлении к основе имён существительных образует имена существительные женского рода со значением частицы (обычно небольшой) однородной массы, названной образующим словом.

*Катя быстро смахнула **слезинку** (слеза — слезинка) с бледной щеки и исчезла за поворотом аллеи («Проклятая проблема»).*

*Тщательно освободив его от грязной ваты и сдунув последние **пылинки** (пыль — пылинка) Обуялов вошел в будку («Беспокойная ночь»).*

Еще одним продуктивным суффиксом является суффикс **-ишк-**. Как говорилось ранее, этот суффикс под ударением при добавлении к основе существительного образует существительное со значением пренебрежительности.

*И тут вот начальник тяги впервые почувствовал, что влюблен, влюблен, как **мальчишка**, как бронеподросток («Открытое окно»).*

*— Здорово, **братишка!** — добродушно воскликнул он («Знаменитый путешественник»).*

В анализируемых рассказах слова, образованные при помощи суффикса **-ишк-**, встретились 15 раз.

Слова, образованные при помощи суффиксов **-енк-** (**-еньк-**) / **-онк-**, также встречаются в текстовом поле авторов достаточно часто (12 примеров). Эти суффиксы под ударением при добавлении к существительным образует имена существительные мужского и женского рода с уменьшительно-уничижительным или с уменьшительно-ласкательным значением.

*Ну вот пятнадцать лет назад, помнишь, я был **слесаренком**, а ты **электромонтерничал...** («Последняя встреча»).*

Поэтому все свои **силенки** они направляют не на выполнение порученной им работы, а на борьбу за сохранение занятого поста («Добродушный Курятников»).

Мне жалко ваших крошечных детей, которые, хватаясь **ручонками** за... за что попало, будут кричать («Гусь и украденные доски»).

Славная **девчонка** эта Катя! («Семейное счастье»).

Суффикс **-к-** также является продуктивным (7 примеров) при добавлении к основе имён существительных образует имена существительные женского рода уменьшительно-ласкательным значением.

Вместо иголки в мембрану была почему-то вставлена **сардинка** («Гослото»).

Бородатова наклонила голову, вынула листки из **машинки** и, стасовав проворными пальцами новые листки бумаги с листками копирки, вставила их в **машинку** («Открытое окно»).

Исходя из проведенного анализа, можно сделать вывод, что наиболее часто авторы используют уменьшительно-ласкательные и уменьшительно-пренебрежительные суффиксы. Такие суффиксы создают комические, сатирические моменты, как это видно в примерах, приведенных ранее.

В диалогах при обращениях уменьшительно-ласкательные суффиксы добавляются к именам людей, чаще мужским.

— Я женился, **Абраша**. Понимаешь? Я сегодня женился, ты понимаешь? — Ах, **Жоржик!** Ты здесь живешь, **Жоржик?** («Семейное счастье»).

Обычно при описании общения в семье, дружеского общения такие уменьшительные имена демонстрируют особенную интимность, близость людей друг к другу. В данном же случае обращения с уменьшительно-ласкательными суффиксами явно имеют иронический подтекст, поскольку таким образом обращаются друг к другу вовсе не близкие люди. Авторы при помощи подобных обращений подчеркивают несостоятельность, незначительность описываемых лиц мужского пола.

Уменьшительно-пренебрежительные суффиксы также используются с именами собственными, это создает грубоватую форму имени, свойственную для разговорного стиля речи.

— *Вы мне эту ночь снились... Будто бы вы женились на **Зинке Татарчук**... — Я? — нагло сощурился **Колька**. — Сколько угодно. К каждой девчонке нужно иметь особенный подход. Взять хотя бы, к примеру, твою **Катьку** («Семейное счастье»).*

Чаще всего пренебрежительные суффиксы присоединяются к женским именам, что подчеркивает неуважение к женщине со стороны героев-мужчин. Однако зачастую слова с аффиксами, которые считаются формами отрицательной экспрессии (как в данных примерах), в обиходной речи не воспринимаются как средство выражения негативного отношения. Нейтрализация этой лексики связана с частотностью ее употребления в разговорном стиле. Введение такой оценочной лексики в разговор придает речи характер живой, непринужденной беседы.

С помощью оценочных существительных с уменьшительными суффиксами авторы передают состояния героев. Это и волнение:

*Коля издал сладострастный нервный **смешок** («Долина»).*

И издёвка:

*«— Ага, — ехидно подумал он, видя, как начальник с портфелем входит в вестибюль, — дела пришел сдавать, **голубчик!**» («Рассказ об одном солнце»).*

И даже переживания, связанные с чувством голода:

*Резинокомбинат на своем последнем банкете выставил консервы из налимьей **печенки**, а вы — шпроты! («Широкий размах»).*

Увеличительные суффиксы употребляются гораздо реже, например, в размышлениях героев о ситуации в стране:

— ***Скопище** бюрократов! — воскликнул он. — Бездушные люди! Не говорите мне о них. К тому же дикие склочники («Энтузиаст»).*

Ничего не поделаешь. Храм Христа, вернее купол храма, — превосходный наблюдательный пункт для любителей эффектных зрелищ («Для будущего человека»).

Существительные с увеличительным суффиксом **-ищ-** служат для противопоставления: сопоставляется увеличительное значение суффикса с реальной ситуацией, описываемой в контексте. Таким образом достигается обратный результат: не возвышение, преувеличение, а уничижение данного объекта, явления и т. д.

Среди слов с суффиксами субъективной оценки можно выделить три основные тематические подгруппы. Первая подгруппа — слова, используемые для портретных описаний героев.

*Заведующий литературным отделом стоял перед редактором и, нервно притрагиваясь к своим **маленьким** усикам, говорил («Чудесные гости»).*

*Если будете в Эссентуках, обязательно устраивайтесь в доме отдыха артистов, там в шестом корпусе **хорошенькая** няня («Разносторонний человек»).*

*Маруся морщит **гладенький**, нежный, малообещающий лобик («Семейное счастье»).*

Вторая тематическая подгруппа — слова, используемые для описания личных качеств человека, его положения, состояния.

*В этой маленькой девочке — **краснощечкой** и **веселенькой** — демонстранты видят будущего человека, жизнь которого с начала до конца будет счастливой и безмятежной, того человека, для которого они подставляли себя под белогвардейские пули, для которого они переносят лишения и работают изо всех сил («Для будущего человека»).*

*Как она сказала?.. «Вы плохо видите? **Бедненький!**..» («Семейное счастье»).*

Третья подгруппа — слова, которые используются для описания домашнего убранства, бытовых вещей, предметов обихода.

*Прохожий деловито сунул в никудыкинскую ладонь **новенький**, блестящий гривенник и строго сказал («Идейный Никудыкин»).*

*В кухне, рядом с примусами Бородулиных, Клейстеров и Собаковой, мелодично шипит **новенький**, сияющий мухинский примус («Семейное счастье»).*

*— ...Понимаешь, — слышится Марусин голосок, — очень **миленькое** платьице... такое воздушное... («Семейное счастье»).*

*Маруся повязывает поверх **розовенького** платьица передник и устремляется в кухню («Семейное счастье»).*

Наиболее представлена тематическая подгруппа, содержащая портретные описания. Это, по-видимому, обусловлено морфологической природой используемых слов: в большинстве своем авторы используют прилагательные с суффиксами субъективной оценки, а прилагательное, как известно, выражает признак предмета. Используя прилагательные, авторы дают понятный портрет героя. Третья подгруппа — слова, которые используются для описания домашнего убранства — представлена наименьшим количеством примеров. Как уже говорилось ранее, авторы не акцентируют свое внимание на детальном описании интерьера, быта и т. д.

Подгруппа слов с суффиксами субъективной оценки представлена исключительно именами существительными и прилагательными, у глаголов нет оценочных суффиксов, такова особенность русского словообразования. Стоит отметить, что в числовом соотношении использование существительных и прилагательных примерно одинаково: из 57 примеров употребления — 27 существительных и 30 прилагательных.

Третья группа эмоционально-оценочной лексики, которую можно выделить в рассказах И. Ильфа и Е. Петрова, — это слова, **приобретающие оценочность при употреблении в переносном значении**. Как и в рассказах М. Зощенко, в данном случае эта группа представлена наименьшим количеством примеров (25 из 162).

По морфологическому признаку можно выделить две подгруппы: имена существительные со значением лица (10 примеров) и глаголы (15 примеров).

*И я весь **горю** этой работой* («Энтузиаст»).

В толковом словаре под редакцией С. И. Ожегова дается следующее определение слову *гореть*:

Гореть, -рю, -ришь; несов. — 1. Поддаваться действию огня; уничтожаться огнем. *Дерево легко горит. В печи горят дрова.* 2. (1 и 2 л. не употр.). Об огне, свете: быть, излучаться. *В печи горит огонь.* 3. Быть в жару, в лихорадочном, воспаленном состоянии. *Больной весь горит. Рана горит.* 4. перен. Отдаваться полностью (какому-нибудь делу), отдавать все силы на что-нибудь.

В данном случае авторы употребляют слово *гореть* по отношению к работе, сравнивая ажиотаж, охватывающий героя при выполнении рабочих обязанностей, с огнем.

— *Кто это вас ругает? — **кипятился** Самецкий. — Я рассматриваю это как выпад. Мы их продернем. Мы поднимем вопрос* («Здесь нагружают корабль»).

Слово *кипятился* имеет следующее толкование:

Кипятиться, -ячусь, -ятишься; несов. — 1. Нагреваться до кипения. 2. Находиться или вариться в кипящей воде, жидкости. *Овощи кипятятся. Белье кипятился.* 3. перен. Горячиться, приходить в возбуждение (разг.). *Кипятиться из-за пустяков.*

Авторы употребляют слово *кипятился* в переносном значении, свойственном для разговорной речи, выражая тем самым крайнюю степень недовольства, возмущения героя.

— *Да подождите, не топайте ногами, **лошадь*** («День мадам Белополякиной»).

Лошадь, -и, мн. -и, -ей, -ям, -дьми и -дями, -ях, ж. — Крупное непарнокопытное животное семейства лошадиных.

В данном случае одна из героинь сравнивает другую с лошадью из-за схожести в поведении человека и животного. Героиня шумит, сильно топает ногами, издает различные громкие звуки — словом, напоминает лошадь, которая также обычно ведет себя достаточно шумно.

— *Просто дуб. Ничего не понимает* («Добродушный Курятников»).

Слову *дуб* дается в словаре следующее определение:

Дуб, -а, мн. -ы, -ов, м. — 1. Крупное лиственное дерево сем. буковых с крепкой древесиной и плодами-желудями. *Вековые дубы*. 2. перен. О тупом, нечутком человеке (разг.).

Слово *дуб* употреблено в переносном значении. Герои называют *дубом* одного из персонажей, Курятникова, подчеркивая его глупость и неумение справляться с собственной работой.

Анализ семантики языковых единиц показал, что наиболее часто используются в переносном значении имена существительные, обозначающие названия животных или растений. Авторы присваивают людям «животные черты» (поведение, внешность и т. д.), тем самым сравнивая людей и животных, выражая свою оценку.

2.3. Сравнительный анализ эмоционально-оценочных лексем в рассказах М. Зощенко, И. Ильфа и Е. Петрова

Нами были выделены и проанализированы 320 эмоционально-оценочных лексем в рассказах М. Зощенко и 162 подобных лексических единицы в рассказах И. Ильфа и Е. Петрова.

В рассказах М. Зощенко наиболее часто употребляются слова с суффиксами субъективной оценки (150 лексических единиц, 47 % от всех примеров эмоционально-оценочной лексики, найденных в рассказах М. Зощенко). В рассказах И. Ильфа и Е. Петрова эта группа эмоционально-оценочной лексики находится на втором месте по частоте употребления (57 лексем, 35 %).

Эта группа лексики встречается в рассказах М. Зощенко так часто, потому что автор стремится создать имитацию живой речи. Обилие в тексте суффиксов придает стилю рассказов простоту и «разговорность». Создается впечатление, что рассказчик — обычный, не самый грамотный человек, такой же, как и герои М. Зощенко. Рассказы И. Ильфа и Е. Петрова написаны иначе: слова с суффиксами субъективной оценки в основном звучат в речи героев, но не рассказчика, что создаёт иной стиль повествования.

У всех авторов эмоционально-оценочные лексемы представлены с уменьшительно-ласкательными и уменьшительно-пренебрежительными суффиксами.

Ну, думаю, будет теперь беда-бедишка (М. Зощенко «Чертовинка»).

— *В афишке*, — храбро сказал я, — фамилии певцов обозначены. Очевидно, они и будут петь (И. Ильф, Е. Петров «Нюрнбергские мастера пения»).

Это обусловлено особенностями сатиры: именно такие суффиксы придают словам ироничную окраску, создают намеренную дисгармонию, выражают авторскую насмешку над героями и событиями.

Примечательно, что в рассказах И. Ильфа и Е. Петрова присутствуют лексические единицы с увеличительно-пренебрежительными суффиксами:

— *Скопище* бюрократов! — воскликнул он. — *Бездушные люди!* Не говорите мне о них. *К тому же дикие склочники* (И. Ильф, Е. Петров «Энтузиаст»).

В рассказах М. Зощенко таких лексем не было выявлено, поскольку автор не прибегает к приему противопоставления: противопоставляется увеличительное значение суффикса реальной ситуации, которая на самом деле оказывается совершенно незначительной.

В рассказах И. Ильфа и Е. Петрова наиболее часто употребляются слова с эмоциональным компонентом в лексическом значении (80 примеров, 49 %). В рассказах М. Зощенко эта группа эмоционально-оценочных единиц находится на втором месте по частоте употребления (112 лексем, 35 %). Это

связано с тем, что И. Ильф и Е. Петров уделяют больше внимания описанию портретов (как внешних, так и психологических), пейзажей, интерьеров, ситуаций по сравнению с М. Зощенко. Описания всегда более детальные и подробные.

— У него **хорошая** мебель, — мрачно сказал Кошачий. — Все, что надо для работы: стульев шведских — шесть, столов письменных — один, еще один стол — малый, графин, бронзовая пепельница с собакой, **красивый** новый клеенчатый диван (И. Ильф, Е. Петров «Широкий размах»).

М. Зощенко обычно не дает развернутых описаний, он выражает мысли коротко и емко, в некоторых случаях даже одним предложением.

*Жизнь у меня, прямо скажу, **роскошная*** (М. Зощенко «Чертовинка»).

Слова с эмоционально-оценочным компонентом в лексическом значении подходят именно для описаний: они передают конкретные признаки предметов, явлений, событий и т. д. и сразу выражают отношение говорящего.

В рассказах И. Ильфа и Е. Петрова был отмечен прием, когда авторы усиливают эмоциональность, оценочность одного слова при помощи вспомогательных лексем, также имеющих эмоциональный компонент в семантике.

*Извините, но вы какой-то **болезненно скупой** человек* («Широкий размах»).

В рассказах М. Зощенко такого приема обнаружено не было, это объясняется стремлением автора к емкости и лаконичности манеры повествования.

Группа слов, экспрессивную окраску которых выражают переносные значения, представлена наименьшим количеством примеров как в рассказах М. Зощенко (58 лексем, 18 %), так и в рассказах И. Ильфа и Е. Петрова (25 лексических единиц, 16 %).

Используемые в переносном значении глаголы обычно связаны с работой каких-либо приборов или с природными явлениями.

*Работа прямо в руках **кипит** — такой подъем наблюдается* (М. Зощенко «Бочка»).

*И я весь **горю** этой работой* (И. Ильф, Е. Петров «Энтузиаст»).

Сущность переноса значения состоит в том, что значение переходит на другой предмет, другое явление. Таким образом формируется многозначность слова.

Используемые в переносном значении имена существительные традиционно связаны с названиями животных.

— *Пригрел я **змею**... Но ничего, не позволю над собой насмехаться* (М. Зощенко «Неизвестный друг»).

— *Да подождите, не топайте ногами, **лошадь*** (И. Ильф, Е. Петров «День мадам Белополякиной»).

Перенос значения в данном случае осуществляется за счет схожести людей и животных в различных аспектах (поведение, внешность и т. д.).

Гораздо реже встречаются имена существительные, обозначающие названия растений.

— *Просто **дуб**. Ничего не понимает* (И. Ильф, Е. Петров «Добродушный Курятников»).

Перенос значения осуществляется за счет схожести признаков.

В теории в переносном значении могут употребляться имена существительные, обозначающие неодушевленные предметы, предметы быта (*шляпа, тюфяк* и т. д.), но таких примеров в рассказах авторов выявлено не было.

Семантический анализ лексических единиц позволил выявить в сатирических рассказах всех авторов общие тематические подгруппы.

Первая подгруппа — слова, используемые для описания быта. *В этом году в Зимнем дворце разное царское **барахлишко** продавалось* (М. Зощенко «Царские сапоги»).

— *И потом,* — продолжал Семен Семенович, — *купите вы наконец приличный сервис, а то вы подаете уже черт знает на чем* (И. Ильф, Е. Петров «Широкий размах»).

Вторая подгруппа — слова для оценки героев рассказов рассказчиком.

Может, мужички на аэроплан сложатся (М. Зощенко «Агитатор»).

Он имел только один недостаток — был бездарен, безнадежно глуп (И. Ильф, Е. Петров «Добродушный Курятников»).

Третья подгруппа — слова, используемые для портретных описаний.

Очень я тебя, Назар, уважаю, и вполне ты прелестный человек (М. Зощенко «Великосветская история»).

— *Я красива,* — сказала она ему, — *а вы умны. У нас должно быть отличное потомство* (И. Ильф, Е. Петров «Проклятая проблема»).

Стоит учитывать и морфологическую природу эмоционально-оценочных лексем в рассказах писателей. Наиболее часто все авторы используют имена прилагательные.

— *Как приятно,* — сказал один из них, *натягивая простыню на свою мохнатую грудь,* — *поговорить с интеллигентным человеком* (И. Ильф, Е. Петров «Разносторонний человек»).

Только что характер у него оказался мягкий и уступчивый (М. Зощенко «Прискорбный случай»).

Имена прилагательные в большинстве из рассмотренных примеров характеризуют человека, описывают его черты характера и внешние приметы. Это обусловлено самой природой имени прилагательного — это часть речи, обозначающая качество, свойство или принадлежность предмета. Авторы используют как прилагательные, изначально имеющие эмоционально-оценочный компонент в лексическом значении, так и прилагательные с аффиксами субъективной оценки.

Мне бы, говорю, милый ты мой приятель (М. Зощенко «Гиблое место»).

Маруся морщит гладенький, нежный, малообещающий лобик (И. Ильф, Е. Петров «Семейное счастье»).

Имена существительные также частотны в своем употреблении. М. Зощенко использует существительные для характеристики бытовых вещей.

*А мельник, это точно, скрывал свои **деньжонки*** (М. Зощенко «Виктория Казимировна»).

В рассказах И. Ильфа и Е. Петрова имена существительные используются для описания состояния человека.

*Тогда **горемыка** отец решился на крайность* (И. Ильф, Е. Петров «Счастливым отцом»).

В рассказах М. Зощенко не было выделено эмоционально-оценочных наречий. В рассказ И. Ильфа и Е. Петрова такие примеры есть.

*Они **добросовестно** перелистывают сонник* (И. Ильф, Е. Петров «Гослото»).

Эмоционально-оценочная лексика во всех рассмотренных сатирических рассказах выполняет одинаковые функции. Прежде всего, она является средством создания комического. Используя эмоционально-оценочную лексику, авторы могут выразить иронию и сарказм. Эмоционально-оценочная лексика также используется всеми авторами как средство выразительности художественной речи.

ВЫВОДЫ ПО ВТОРОЙ ГЛАВЕ

Эмоционально-оценочная лексика — средство создания комического в сатирической прозе.

Эмоционально-оценочные слова могут употребляться как для действительной характеристики предметов, явлений, людей, так и для выражения иронии авторов.

С учётом грамматических и семантических особенностей эмоционально-оценочная лексика может быть объединена в три группы: слова с суффиксами субъективной оценки, слова с коннотативным элементом в лексическом значении, слова, экспрессивную окраску которых выражают переносные значения.

В группе слов с суффиксами субъективной оценки самыми продуктивными суффиксами оказались: **-ек- / -ок, -ишк, -инк-**.

В группе слов, экспрессивную окраску которых выражают переносные значения большое количество лексем образовано на основе метафоры сущ., называющих животных, что обусловлено сходством внешних признаков и поведенческих характеристик людей и животных.

Семантический анализ лексических единиц позволил выявить в сатирических рассказах всех авторов общие тематические подгруппы: слова, используемые для описания быта; слова для оценки героев рассказов рассказчиком; слова, используемые для портретных описаний.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Эмоционально-оценочное слово — лексическая единица, которая включает в себя элемент оценки. Эмоционально-оценочная лексика делится на два разряда: слова с положительной характеристикой и слова с отрицательной (негативной) характеристикой.

В художественной речи всегда активно употреблялась эмоционально-оценочная лексика. Авторы используют данный пласт лексики для придания иронической окраски происходящему. Очень часто обращаются к эмоционально-оценочной лексике в своих рассказах М. Зощенко, И. Ильф и Е. Петров.

Цель исследования была достигнута, выполнен ряд поставленных задач. При решении задачи определения смыслового наполнения понятий эмоциональности и оценочности в работе был сделан вывод о неразрывности эмоционального и оценочного компонентов в семантике слова. На основании чего считается возможным говорить о едином эмоционально-оценочном компоненте значения. Признавая действительно тесную связь этих двух явлений, всё же следует заметить, что оценки и эмоции представляют собой «различные ментальные пространства, имеющие обширное поле пересечения характеристик, но отличающиеся по своим онтологическим показателям».

В работе проанализированы существующие классификации эмоционально-оценочной лексики, среди которых классификации И. Б. Голуб, Д. Э. Розенталя и М. А. Теленковой, Л. Л. Касаткина. За основу для исследования была взята грамматическая классификация И. Б. Голуб.

Были определены характерные семантические и словообразовательные особенности групп эмоционально-оценочных языковых единиц в текстовом поле авторов. В творчестве М. Зощенко наиболее часто встречаются слова с суффиксами субъективной оценки, в рассказах И. Ильфа и Е. Петрова — слова с коннотативным компонентом в лексическом значении. Проведенный анализ позволил выделить основные семантические подгруппы эмоционально-

оценочной лексики, свойственные для сатирической прозы. Удалось определить особенности словообразования: выделить наиболее продуктивные суффиксы субъективной оценки (уменьшительно-пренебрежительные суффиксы -ек-, -ок-, -ишк-, -инк-).

Были описаны особенности функционирования эмоционально-оценочной лексики в рассказах М. Зощенко, И. Ильфа и Е. Петрова. Эмоционально-оценочная лексика служит для выразительности речи, имеет описательно-характерологическую функцию, функцию достижения сарказма, функцию создания иронической и сатирической окраски речи.

Проведен сопоставительный анализ особенностей использования эмоционально-оценочной лексики в рассказах М. Зощенко и в рассказах И. Ильфа и Е. Петрова. В рассказах М. Зощенко наиболее часто употребляются слова с суффиксами субъективной оценки, в рассказах И. Ильфа и Е. Петрова наиболее часто употребляются слова с эмоциональным компонентом в лексическом значении.

Несмотря на выявленные грамматические и семантические отличия эмоционально-оценочная лексика в исследованных рассказах выполняет одинаковые функции. Прежде всего, она является средством создания комического. Используя эмоционально-оценочную лексику, авторы могут выразить иронию и сарказм. Эмоционально-оценочная лексика также является средством украшения художественной речи.

В заключение отметим, что эмоционально-оценочная лексика в рассказах изучаемых авторов — это одно из ярких средств создания сатиры, создания неповторимого стиля М. Зощенко, И. Ильфа и Е. Петрова.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Авдони́на, А. Ю. Вопросы взаимосвязи обучения устной и письменной речи в методической системе развития речетворческих умений школьников К. Б. Бархина в аспекте проблем современной лингводидактики / А. Ю. Авдони́на // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2013. — № 5(23). — Ч. 1. — С. 15—18.
2. Аглетди́нова, Г. Ф. О соотношении оценочности, образности, экспрессивности и эмоциональности в семантике слова / Г. Ф. Аглетди́нова // Исследования по семантике: Семантические категории в русском языке : сборник научных статей. — Уфа, 1996. — С. 18.
3. Арутю́нова, Н. Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт / Н. Д. Арутю́нова. — М. : Наука, 1988. — С. 55.
4. Арутю́нова, Н. Д. Логический анализ языка: Избранное: 1988 — 1995 / сост. и отв. ред Н. Д. Арутю́нова. — М. : Наука, 2003. — 695 с.
5. Атлас, И. А. Синтаксические средства выражения эмоциональной оценки / И. А. Атлас // Вестник Бурятского государственного университета. Серия «Язык. Литература. Культура». — 2012. — № 2(12). — С. 26—32.
6. Бабенко, Л. Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке / Л. Г. Бабенко. — Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 1989. — 130 с.
7. Балли, Ш. Французская стилистика / Ш. Балли. — М. : Иностранная литература, 1961. — 543 с.
8. Бархин, К. Б. Культура слова : метод. пособие для преподавателей 2 ступени / К. Б. Бархин. — М. : Работник просвещения, 1929. — 229 с.
9. Боровкова, А. В. Пищевая метафора как средство выражения оценки и ценностей (на материале образной лексики и фразеологии русского языка) / А. В. Боровкова // Вестник Томского государственного университета. — 2015. — № 396. — С. 5—13.

10. Булыко, А. Н. Фразеологический словарь русского языка: около 7000 фразеологизмов // А. Н. Булыко. — Минск : Харвест, 2007. — 448 с.
11. Валгина, Н. С. Современный русский язык: Синтаксис : учеб. пособие / Н. С. Валгина. — 4-е изд., испр. — М. : Высшая Школа, 2003. — 416 с.
12. Васильев, Л. М. Типы языковых значений по их структуре и функции / Л. М. Васильев // Языковые единицы в семантическом и лексикографическом аспектах. — Новосибирск, 1996. — С. 38.
13. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. — М. : Русское слово, 1996. — 411 с.
14. Виноградов, В. В. Язык Зошенко (Заметки о лексике) / В. В. Виноградов // Михаил Зошенко: статьи и материалы. — Л. : Высшая школа, 1988. — 362 с.
15. Виноградов, В. В. Итоги обсуждения вопросов стилистики / В. В. Виноградов // Вопросы языкознания. — 1955. — № 1. — С. 70.
16. Виноградов, В. В. Русский язык / В. В. Виноградов. — М. : Московский ун-т, 1952. — 518 с.
17. Вольф, Е. М. Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф. — М. : Едиториал УРСС, 2002. — 280 с.
18. Гак, В. Г. Языковые преобразования / В. Г. Гак. — М., 1998.
19. Галкина-Федорук, Е. М. Об экспрессивности и эмоциональности в языке, сборник статей по языкознанию. Профессору Московского университета академику В. В. Виноградову в день его 60-летия / Е. М. Галкина-Федорук. — М. : МГУ, 1958. — 321 с.
20. Галкина-Федорук, Е. М. Современный русский язык / Е. М. Галкина-Федорук. — М. : Высшая школа, 1954. — 336 с.
21. Голуб, И. Б. Русский язык и культура речи / И. Б. Голуб. — М. : Логос, 2010. — 432 с.
22. Голуб, И. Б. Стилистика русского языка : учеб. пособие / И. Б. Голуб. — М. : Айрис-пресс, 2010. — 448 с.

23. Зощенко, М. М. Избранное [Электронный ресурс] / М. М. Зощенко // 100 лучших книг всех времен. — Режим доступа : http://www.100bestbooks.ru/files/Zoschenko_Rasskazi.pdf (дата обращения 10.03.2018).

24. Ильф, И. А. Двенадцать стульев. Золотой теленок. Рассказы / И. А. Ильф, Е. П. Петров. — Алма-Ата : Казахстан, 1984. — 576 с.

25. Исаева, Л. А. Коммуникативный и коннотативный аспекты книжных лексических и фразеологических единиц в художественных текстах: на материале рассказов М. М. Зощенко : дис. ... канд. филол. наук / Л. А. Исаева. — Махачкала, 2004. — 170 с.

26. Касаткин, Л. Л. Экспрессивно-оценочная лексика // Краткий справочник по современному русскому языку / Л. Л. Касаткин ; под ред. П. А. Леканта. — М. : Высшая школа, 1991.

27. Коврижкина, Д. Г. Связь интонации с выражением эмоций (на примере эмоции удивления) / Д. Г. Коврижкина // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. — 2014. — С. 233—243.

28. Кожина, М. Н. Стилистика русского языка / М. Н. Кожина. — М. : Просвещение, 1983. — 223 с.

29. Леонтьева, Е. А. Эмоционально-оценочные возможности междометных фразеологических единиц в современном русском языке : дис. ... канд. филол. наук / Е. А. Леонтьева. — М., 2000. — С. 145.

30. Лукьянова, Н. А. Экспрессивная лексика разговорного употребления (Проблемы семантики) / Н. А. Лукьянова // Филология и искусствоведение. — Новосибирск, 1986. — С. 45.

31. Малинович, Ю. М. Экспрессия и смысл предложения: Проблемы эмоционально-экспрессивного синтаксиса / Ю. М. Малинович. — Иркутск : Изд-во Иркутского государственного университета, 1989. — 216 с.

32. Маркелова, Т. В. Семантика оценки и средства ее выражения в русском языке / Т. В. Маркелова. — М. : МПУ, 1993. — 126 с.

33. Маслечкина, С. В. Выражение эмоций в языке и речи / С. В. Маслечкина // Вестник Брянского государственного университета. — 2015. — № 3. — С. 231—236.
34. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. — М. : Азбуковник, 1999. — 944 с.
35. Петрищева, Е. Ф. Стилистически окрашенная лексика русского языка / Е. Ф. Петрищева. — М., 1984.
36. Пищальщикова, В. А. Концептуальный анализ художественного текста : учеб. пособие / В. А. Пищальщикова. — Барнаул, 1991. — 87 с.
37. Розенталь, Д. Э. Словарь-справочник лингвистических терминов : пособие для учителя / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. — М. : Просвещение, 1985.
38. Словарь лингвистических терминов / под ред. Т. В. Жеребило. — Назрань : Пилигрим, 2010.
39. Современный толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. — СПб. : Норинт, 2005. — 960 с.
40. Стернин, И. А. Эмоциональность и оценочность в аспекте семной семасиологии / И. А. Стернин // Человек в коммуникации: от категоризации эмоций к эмотивной лингвистике : сб. научн. труд., посвященный 75-летию проф. В. И. Шаховского. — Волгоград : Волгоградское научное издательство, 2013. — С. 87—98.
41. Федотов, О. И. Введение в литературоведение / О. И. Федотов. — М. : Academia, 1998. — 479 с.
42. Шаховский, В. И. Текст и его когнитивно-эмотивные метаморфозы / В. И. Шаховский. — Волгоград : Перемена, 1997. — 148 с.
43. Шаховский, В. И. О лингвистике эмоций / В. И. Шаховский // Язык и эмоции : сб. научн. труд. — Волгоград : Перемена, 1995. — С. 3—15.

44. Шаховский, В. И. Эмотивная семантика слова как коммуникативная сущность / В. И. Шаховский // Коммуникативные аспекты значения. — Волгоград : ВГПИ, 1990. — 175 с.